

СЮЖЕТЫ И ЛИЦА

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Михаил
КУРАЕВ

Приключения ленинградца в Санкт-Петербурге

...Хорошо Собчаку, он как родился у себя на родине, так уроженцем этих дальних благодатных мест и останется. А вот моя мама родилась в Санкт-Петербурге, но ее всю жизнь заставляли писать: дескать, родилась она в 1908 году в городе... Ленинграде.

...Власть переменялась, объявили о том, что от семидесяти лет дури и произвола избавились, и повелели уже мне писать в анкете и паспорте, будто бы родился я в 1939 году в городе... Санкт-Петербурге.

Мелочь? Еще бы! Главное, чтобы Россия возродилась, и она "возрождается", огорчительно похожая на возродителей.

...Через пень-колоду, с надрывом, с переписыванием на ходу правил, выбрали митинговое такое Городское собрание. Трудно было? Ничего! Радеемся очередной победе демократии... над кем? над 75 процентами избирателей?

...Если уж повезет, то повезет! Еду из Москвы в одном вагоне с самим Собчаком. Стоит вот так вот, запросто, в коридоре, готов здороваться с любым входящим. Но главное не это. На этот раз проводники не объясняют, как надо заматывать полотенцем дверные ручки, чтобы не вошли и не ограбили. Выхожу ночью в коридор. Дверь рядом с купе САМОГО нараспашку, а там — бесстрашные и ко всему готовые. На меня смотрят, но без угрозы и любопытства. Не опасен?

...Храню собранные в предвыборную пору плакаты-обещалки кандидата в депутаты А.А.Собчака. Ни слова о том, что главной его заботой будут некрофильские занятия с водворением важных покойников по надлежащим местам. Ни слова о том, что будет суетиться вокруг великих князей и княжон, в спрашивая, как истинный демократ, в чем их величие. И ни слова о том, что город имени возлюбленного мэром царя-плотника перестанет строить Российский флот накануне его, флота, трехсотлетия. Да и много ли скажешь в предвыборной обещалке? Ну, "буду двигать перестройку, не залезая в карман народа", ну, "приоритет социальным программам" — в общем, справедливость, человечность, забота о бедных и все такое...

...Поезд встречали бесстрашные ребята в штатском. По мере движения поборника демократии от вагона к световому залу, где вместо вождя-душегуба поставлен царь-душегуб, то ли охранник, то ли вояка, обратилась человек

Приглашаем на работу
профессиональных
рекламных агентов.
Тел.: 208-85-00, 208-98-36.

БЕЗ ПИДЖАКОВ

ТИМУР И ЕГОР ГАЙДАРЫ
В КОМПАНИИ
С ОБОЗРЕВАТЕЛЕМ
"ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ"
АЛЕКСАНДРОМ
БОРИНЫМ

Гостями рубрики "Без пиджаков" были в свое время Эльдар Рязанов и Александр Ширвиндт, Владимир Войнович и Бенедикт Сарнов. Скинули пиджаки, повесили их на спинку стула и повели свободный, без заданной темы и жестких рамок приятельский разговор. На этот раз я попросил Тимура Гайдара, с которым знаком много лет, позвать на такой разговор своего сына. Официального Егора Гайдара знает вся страна. А вот каков он "без пиджака", в домашней обстановке?

А. БОРИН. Жена писателя Владимира Войновича Ирина как-то мне рассказала, что в начале семидесятых она преподавала литературу в девятом классе. Среди ее учеников был и Егор Гайдар. Однажды у них зашел разговор о диссидентах, и шестнадцатилетний Егор сказал: "Нет, мы пойдем другим путем". Это так?

Е. ГАЙДАР. Да, в те юные годы у меня были еще весьма романтические представления. Но я уже знал, что Россия тяжело больна, что путь, на который она встала, бесперспективен и что с огромным трудом придется ее оттуда выковыривать. И с нетерпением молодости считал, что вот придет день, мы поднимем свою мускулистую руку, и..."ярмо деспотизма, огражденное информаторами КГБ, рассыплется в прах".

А. Б. Ни больше ни меньше. А путь диссидентства шестнадцатилетнего революционера уже не устраивал?

Е. Г. Нет. Это не был путь влияния на политику; это был путь нравственного протеста. Власть, мол, занимается политикой, а мы защищаем права человека. Я был убежден, что так нельзя. Кто же тогда будет заниматься политикой? И кто будет эту страну поворачивать на нормальный путь развития, если все мы занимаемся неполитикой?

А. Б. Скажут: такой ниспровергатель, а потом работал в "Коммунисте"; в "Правде".

Тимур ГАЙДАР. Ну, во-первых, как ты помнишь, "Коммунист" тогда, оставаясь органом партии, был самым либеральным из всех периодических изданий... А когда Егор, еще на первом курсе экономического факультета, кажется, в 1975-м, и группа его одноклассников напечатали и собирались расклеивать листовки с призывом к рабочему классу подниматься за свою свободу, у нас с Егором возникло

мое личную жизнь. Моя полная автономия. Наша любимая семейная история: где-то, наверное, в восьмом классе, к моему и маминому вящему удивлению, отец вдруг впервые в жизни интересуется, сделал ли я уроки. В ответ громкий хохот, и отец потом очень долго извиняется.

Т. Г. Я извинялся примерно так: "Егор уже в восьмом классе, должен же я хоть раз в жизни задать ему такой вопрос. А то ведь скажете, что я плохой отец".

А. Б. Маленькие дети — маленькие тревоги, большие дети — большие тревоги. Знаешь, Тимур, когда я слышу сегодня: "Гайдар пустил людей по миру, отобрал сбережения, разорил стариков", — я думаю даже не о Егоре. Он политик, знал, на что шел, и в политике чудес не бывает...

Е. Г. Разумеется. Принимая предложение работать в российском правительстве, я уже понимал, что подобные обвинения будут той платой, которую неизбежно придется платить за жесткие, но необходимые для спасения страны меры.

зависимый от власти. Но в то же время была и огромная настороженность. То, что он говорил, звучало прекрасно, но в диффрахе абсолютно не ложилось. Я не понимал, как все это он собирается сделать.

Т. Г. Помните: "Если повысят цены, я лягу на рельсы"? Но было ясно, что не повысить цены невозможно.

Е. Г. Так что Ельцин был для меня одновременно и надеждой, и угрозой. Однако на фоне желеобразной к тому времени горбачевской политики Ельцин представлял хоть какую-то твердь. Он мог нравиться, мог не нравиться, но от того, сможем ли мы перетянуть его на свою сторону, использовать его популярность, во многом зависело будущее России и российской демократии. Окончательный же мой союз с ним, ему, разумеется, неизвестный, произошел 19 августа 1991 года.

А. Б. Как, по-вашему, что с ним сейчас произошло?

Е. Г. Он политик, и для него очень серьезным фактором послужили итоги вы-

матерей. Но зачем Ельцину войти в историю кровавым покорителем?

Е. Г. Что я могу сказать? Еще полгода назад, когда меня о чем-то спрашивали, я говорил: нет, этого не будет, не может быть. А вот, оказывается, может... Я думаю, если бы кто-нибудь заранее показал Борису Николаевичу картину того, что произойдет, в каком виде окажется Грозный, сколько будет бездомных, сколько убитых детей, он, конечно, никогда в жизни этого не начал бы. Но он же искренне был убежден: раз-два, нейтрализуем дудаевский режим, наведем конституционный порядок...

А. Б. А остановиться невозможно?

Е. Г. Очень трудно. Хотя я убежден: если видишь, что начал пробивать лбом стену, никогда не поздно остановиться.

А. Б. Вы не опасаетесь, что недостаточно резкое отмежевание от Ельцина может сегодня повредить вашей партии на выборах?

Е. Г. Что значит — недостаточно рез-

кие революционного возврата назад. Сейчас, после всего происшедшего, я не могу так сказать. Это, конечно, мое личное мнение. Окончательно решит партия.

Т. Г. Знаете, я думаю, наша большая российская беда — это нетерпение. Вот зациклились мы все на президентских выборах. А для меня сейчас важнее, как пройдут выборы в парламент. Если увеличатся демократические фракции, если исчезнет или хотя бы сократится фракция Жириновского, то это будет очень важным сигналом для общества. Посмотрим, как поведет себя Ельцин в дальнейшем. Что ему удастся сделать с экономикой. Что будет со свободой печати. Вот тогда и сможем с большей степенью точности говорить о будущем кандидате в президенты.

А. Б. Как бы он ни повел себя, что бы ни говорил, какие бы ни делал реверансы, лидер государства, который "рад обманываться", который пошел на кровь, все равно уже слишком опасен. Что было, то уже было. Егор же пишет в своей книге: "...что полито кровью, стало или священным, или преступным. Середины не дано". Здесь — преступное.

Т. Г. Саша, но нельзя говорить: "все равно". Он опасен? Да, разумно. Но сравни, скажем: а кто в таком случае менее опасен? Это же опять чисто российское: что бы дальше ни было с Россией, с демократией, с жизнью моей, с будущим моих детей, но только не Ельцин. Да, произошла страшная трагедия. И кровь, и прочее. Но России все равно нужно жить. И выбираться в цивилизованное общество, что очень трудно. А значит, надо тщательно взвешивать. И не давать этих страшных заркоков.

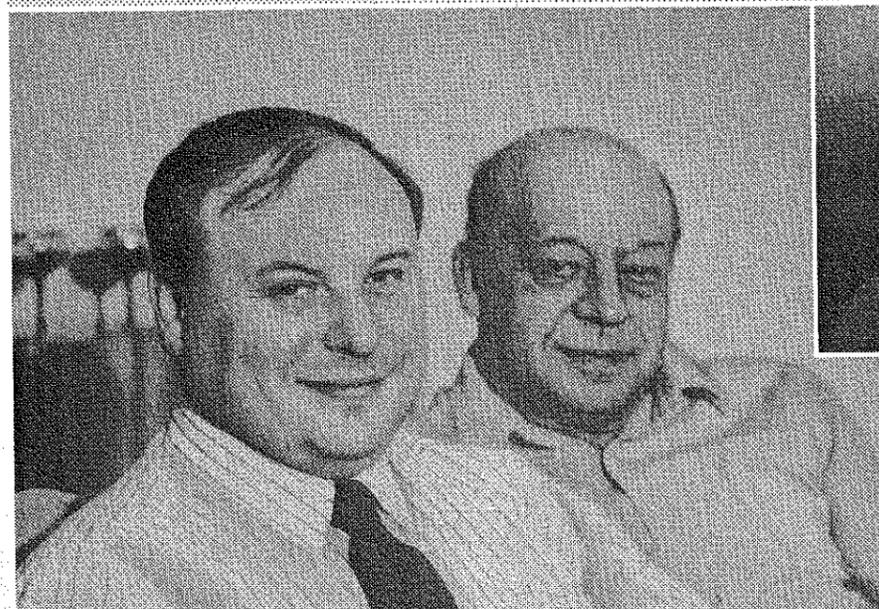
Е. Г. Друзья, я очень не люблю вести такие споры, построенные на очень сложных длинных гипотезах. А что будет, если он сделает то-то? В сегодняшней столь динамичной ситуации всерьез это обсуждать, мне кажется, просто невозможно. Сейчас есть некая данная ситуация. Сейчас в ней есть понятные политические альтернативы. И ясно, какую из них нужно поддерживать. Многие же сценарии я считаю крайне маловероятными и не хочу их всерьез обсуждать. Я очень не люблю жестоких формулировок, построенных по принципу: все или ничего. И в этой связи я не хочу зарекаться от того, что может быть. Сегодня я лично не считаю возможным поддерживать кандидатуру Ельцина.

А. Б. Но не исключаете, что факты, обстоятельства, политическая раскладка заставят вас изменить позицию?

Е. Г. Полагаю это крайне маловероятным, но не исключаю. Скажем, если увижу, что соперник его еще более опасен.

А. Б. Сегодня много говорят о том, что демократам необходимо объединиться. И теоретически с этим вроде бы все согласны. Но как только доходит до дела, только и слышишь: "Мы бы объединились, да вот он, к сожалению, слишком популист". Или "левоцентрист". Или, наоборот, "правоцентрист". Скажите, вы бы поддержали, к

"Ельцин был для меня и надеждой, и угрозой"

Егор и Тимур Гайдары

Аркадий Гайдар с юным Тимуром
(предвоенное фото)

Фото Александра КАРЗАНОВА

А. Б. Да. Но каково это постоянно слышать тебе, Тимур? Отцу?

Т. Г. Хочешь знать, могу ли я абстрагироваться? Нет, не могу. Как не могу абстрагироваться от любой неправды. Переживаю, как переживают любую неправду. Но одно дело, когда это говорят в очередях действительно обездоленные старики, которым я глубоко сочувствую, и другое — когда то же самое повторяют некоторые журналисты, которых я знаю много лет и которые в общем-то, всегда

боров 12 декабря 1993 года. Если Россия проголосовала за человека, который пообещал поход на юг, то, видимо, для нее нужно сейчас больше державности, больше меди в голосе, больше стучания кулаком по столу, больше имперскости. Нотки этого были уже видны и в изменившемся тоне разговора с Западом, и в некотором, скажем так, переносе акцента с прав человека на права милиции.

А. Б. Хорошо, политик, я уже слышал такие объяснения. Но неужели он не пони-

кое отмежевание? Я убежден, что наша политика строится прежде всего на соображениях ответственности. А как по-другому? Встать в позу истеричной институтки и перейти на язык личных оскорблений? А зачем? Что это, собственно, даст? У нас предельно нестабильные демократические институты. Не надо выдумывать себе другую страну, у нас эта страна. Какие-то резкие движения могут ситуацию только дестабилизировать. Так можно добиться, что и выборов никаких не будет. Мы, наверное, сделали больше всех, по крайней мере на сегодняшний день, чтобы как-то попытаться убедить президента выйти из этой войны. Сначала говорили тихо, потом громче, потом еще громче...

А. Б. Неужели у вас есть еще надежда, что его удастся убедить?

Е. Г. Конечно, есть. Я считаю, что самое простое, что можно сделать, это опустить руки и сказать: дело безнадежное, что

ливость, человечность, забота о бедных и все такое...

...Поезд встречал бесстрашных ребят в штатском. По мере движения по бортика демократии от вагона к световому залу, где вместо вождя-душегуба поставлен царь-душегуб, то ли охранников, то ли челяди собрался человек тридцать, может, больше. Защитили, сберегли, спасли.

...Мой дом не на окраине и не в центре, место оживленное, и магазины, и аптека, и станция метро. На лестнице моего дома избил профессора Политехнического института, крепкий был старик умер не сразу. На девочку из кв. № 4 какой-то гражданин свободной России набросился днем. Девочка завопила, гражданин убежал. Четвертого октября (есть такая партия!) трое (новые русские?) напали на моего брата в его доме, прямо у лифта. Убивали, но не убили. Ограбили. "А вы докажите, что те, кто его избивал, его и ограбили?" — лукаво спрашивал негодяй из милиции. "Бытовая травма", — записали в историю болезни негодяй от медицины.

...Больница, дежурная "по мозговой травме", на другом конце города. Горю большой. Глубокая ночь. Бегу за шиворот дежурного врача, танцу к едва дышащему брату. Упирается, но идет. Клятва Гиппократ. Качу каталку на рентген. Сам везу "на кровь". Везу на отделение, гремлю титулами брата. Нашли место в палате, хотя и в коридорах полно лежачих. А на первом этаже избитые, изувеченные, на каталках... в общем, притихшие. Почему их никто не защитил? Играя в политические шахматы, демократ Собчак бросил в эти дни все силы на защиту королевь, английской, не до пешек, то есть плебса, извините, демоса. Коллектив "Гидропроект", где брат работает уже 30 лет, потрясенный покушением на главного инженера проекта защиты Ленинграда (и Санкт-Петербурга) от наводнения, воззвал к самому мэру, а тому некогда было не только прочесть воззвание, но и чихнуть в сторону "многоотсыльного коллектива". Демократ, как у них говорится, "работал по королевь". Ладно. Прихожу в больницу днем. Брат привязан к кровати. Мужики в палате выпили, теперь курят. Просят помыть пол. Беру тряпку, мою. Брат в беспомощности встал с постели, пошел в туалет, упал вот здесь, а потом вот здесь... Это с переломом основания черепа! Бегу к зав. отделением. "Доктор, что будет с братом?" — "Может умерет, может, выживет". Не шутит. В коридоре в сторонке от еще живых весь день стоит каталка с покойником, синие пятки не прикрыты. Убедительно. "Доктор, что делать?" — "Ну... переведите в хозрасчетную палату..." — зевнул. "Когда это можно сделать?" — "А хоть сейчас. Учтите, это пятьдесят тысяч в день". — "Учтем, обязательно учтем, дорогой, драгоценный... Переведите!"

...Раньше это угробище именовалось больницей имени 25 октября, зато теперь восстановлена историческая справедливость, теперь она "Александровская"!

...А потом была "Институт мозга", тоже есть что рассказать, да у колонки есть край, а края у бесправия и негарантированного существования жителей города на Неве нет.

...Самое страшное, что случилось... А когда Егор, еще на первом курсе экономического факультета, кажется, в 1975-м, и группа его однокашников напечатала и собирались расклеивать листовки с призывом к рабочему классу подниматься за свою свободу, у нас с Егором возникло первое и, пожалуй, последнее политическое разногласие. "Пересажуют, как цыплят, и все дело. Время придет, понадобятся настоящие специалисты. Вот и готовьтесь".

А. Б. Тимур, тебе не было страшно за сына? Я хорошо помню, что многие мои знакомые старались в то время дома как-то уберечь детей от слишком откровенных разговоров, понимая, чем это может для них кончиться. Ты Егора не оберегал?

Т. Г. Как тебе сказать, пожалуй, нет. Я его не очень оберегал. Потому что, оберегая таким образом, можно очень серьезно деформировать человека. Если он видит, чувствует, что кругом неправда, а в доме делают вид, что это правда, в результате у парня может развиться душевный кризис. Но все-таки первый такой отчаянно откровенный разговор состоялся у нас где-то в 68-м году, Егору было двенадцать, когда наши танки вошли в Прагу.

Е. Г. Не где-то, а 21 августа 1968 года, часов, наверно, в 11 дня.

А. Б. Откровенность с детьми — семейная традиция Гайдаров?

Т. Г. Да. Но в таких делах мой отец был со мной куда менее откровенен. Время, как ты мог заметить, было другим. Я только знал, видел срывы отца, когда арестовывали маму, когда кругом забирали его друзей...

А. Б. Из Аркадия Гайдара усиленно делали фигуру такого беззаветного трубадура советской власти. Легенда, преувеличение?

Т. Г. Почему же, он и был абсолютно советским. Только в смысле тех лучших идеалов социализма, которые тогда провозглашались и за которые он пошел воевать еще мальчишкой. Но, конечно, к концу тридцатых годов он уже многое понял. Своему другу Фраерману он писал: "Так порой тошно, что не могу поднять глаз". Отечественная война была для него определенным избавлением. По крайней мере стало ясно, где реальный враг, а не выдуманные враги народа.

А. Б. Егор Тимурович, сознайтесь, в детстве вам льстило быть внуком знаменитого Аркадия Гайдара?

Е. Г. Что вы, наоборот, тяготило. Вне дома только и слышал — в детском саду: "Как же так, ты плохо ешь манную кашу, когда у тебя такой замечательный дедушка?" В школе: "Как же у тебя плохой черчок, когда твой дедушка такой прекрасный писатель?"

Т. Г. Мог бы ответить, что у деда черчок был не лучше.

А. Б. А в семье вас баловали?

Е. Г. В общем, наверно, баловали. Но не подарками, не праздниками, не разносолами...

А. Б. Да? А я вот помню: ресторан ЦДЛ, воскресенье, Тимур привел сюда сына, и мальчик сосредоточенно расправляется с пельменями. Фирменное тогда у нас блюдо.

Е. Г. Обожаю пельмени до сих пор. Но баловал меня ресторанами отец не часто. Считанные разы, по пальцам могу пересчитать... Баловали скорее, ну как бы сказать, уважительным отношением. Существовал как бы договор о ненападении на

страгироваться от любой неправды. Переживаю, как переживают любую неправду. Но одно дело, когда это говорят в очередях действительно обездоленные старики, которым я глубоко сочувствую, и другое — когда то же самое повторяют некоторые журналисты, которых я знаю много лет и интеллекту которых я, в общем-то, всегда доверяю. Вот когда они истощенно бросаются, тогда да, обидно. Не за Егора, а за них, за страну, за их уровень. Ведь многие из них все отлично понимают, просто преследуют свои узкие интересы.

А. Б. Егор Тимурович, говорят, в политике друзей нет, есть только интересы. Вы согласны?

Е. Г. Нет, не согласен. Интересы? Да, конечно. Вы помните, Маркс однажды сказал, что, если бы формула дважды два-четыре затрагивала чьи-то интересы, она была бы немедленно оспорена. Выдержать напор, нагис разных чужих интересов бывает невероятно трудно. Я бы сказал, что премьер-министр, например, в определенном смысле похож на продавца колбасного магазина в эпоху советского дефицита. Тот знает, что всем колбасы не хватит, из очереди ему кричат: "В одни руки больше килограмма не отпускайте", — и он должен решать, кому сколько давать. Так и к премьеру идет колоссальный поток просьб и запросов. Произошло землетрясение, нужны на это деньги, останавливается атомная электростанция, не выплачивают зарплату в школах Бурятии... Работа состоит в том, чтобы определять, что из этого является реальной проблемой, что реальной, но не первоочередной, а что вообще фиктивной... Сохранить в таких условиях дружеские отношения, конечно, очень трудно. Политика, особенно в переходные периоды, испытывает человека на излом. Кто-то выдерживает, кто-то нет.

А. Б. Андрей Козырев, например, Борис Федоров?..

Е. Г. Ни с тем, ни с другим собственно друзьями мы никогда не были. Единомышленники, коллеги, вместе съели не один пуд соли — да. Но не друзья. Другое дело Анатолий Чубайс.

А. Б. Хорошо, я спрошу по-другому. Политика ломает человека? Вот хочу на кого-то обидеться, с кем-то поссориться, но не могу. Себе не принадлежу.

Т. Г. Почему только политика? А, скажем, люди в одной подводной лодке?

Е. Т. Согласен с отцом. А вообще вы же знаете: преуспевание, счастье могут улучшить отношения. А несчастье, беды их, наоборот, чаще всего портят.

А. Б. Для многих из нас сегодняшний Ельцин — это личная наша драма, наше огромное разочарование. Для вас, наверно, особенно?

Е. Г. Да, конечно. Но ведь история моего отношения к Борису Николаевичу достаточно сложна. Я имею, как вы знаете, уральские корни. Мой дед и мама оттуда. Помню, приезжали к нам родственники, рассказывали: наконец-то повезло, теперь у них нормальный мужик первый секретарь, по-человечески разговаривает, старается что-то сделать. Помню, как он переехал в Москву, начал здесь работать. И, в общем, вызывал симпатию. Конечно, были обычные коммунистические методы, но скорее не запретительные, а разрешительные. Кампания по этим самым ярмаркам — это, конечно, кампания, но не с тем, чтобы запретить ярмарки, а наоборот — чтобы разрешить и помочь. Хорошо помню октябрьский пленум, когда его исключали, и мое ощущение, что у нас, может быть, впервые появился политик, не-

ше меду в голосе, больше стучания кулаком по столу, больше имперскости. Нотки этого были уже видны и в изменившемся тоне разговора с Западом, и в некотором, скажем так, переносе акцента с прав человека на права милиции.

А. Б. Хорошо, политик, я уже слышал такие объяснения. Но неужели он не понимает, что Чечня для него крах? И как для политика прежде всего. Откуда такое ослепление?

Е. Г. Знаете: "Ах, обмануть меня трудно!.. Я сам обманываться рад"! Было страстное желание обмануться, поэтому ничего не стоило его обмануть. Я хорошо помню осень 1992 года, когда мы тоже как бы стояли на грани чеченской войны, после ввода войск в Осетию и Ингушетию. Тогда тоже много говорили: чего, мол, там чикаться, давайте заодно решим и эту проблему, власть покажем, наведем порядок, тут и сил-то много не понадобится, все будет очень быстро и просто. И убедительно вроде как говорили. А меня точил как бы внутренний червь сомнения. Я тогда рванулся из Москвы, даже не мог объяснить, чего, собственно, так. Сорвался быстро, поехал туда, во Владикавказ, потом начал разговаривать с военными, посмотрел, что в частях происходит, с генералами поговорил. В Назрань поехал. И пришел к твердому убеждению, что даже тогда никаких "быстро и просто" не получится. Начнется длинная кровавая война.

А. Б. Хотя Дудаев еще не был так вооружен?

Е. Г. Был вооружен. И очень крепко. Но дело не только в этом. Именно военные действия Федерации против Чечни могли сплотить чеченцев вокруг Дудаева. Я с огромным трудом убедил президента, что надо провести разграничения, остановить движение войск и так далее. Потом долго разговаривал с Грачевым.

А. Б. Он и в то время предлагал уже начать военные действия?

Е. Г. В общем, да.

А. Б. Ладно, "рад обмануться", объяснили, уговорили... Но то, что кровь будет, понимал же. Грачев может с циничной улыбкой рассуждать об убитых, о горе

Паломничество в Святой град Иерусалим. Палестина

Братья и сестры!

Приглашаем вас на пасхальные празднества в Иерусалим с 19 по 26 апреля 1995 года.

Стоимость 890 \$

Оргкомитет — фирма "Пресс-Инвест ЛТД"

тел.: (095) 208-66-04, 208-79-58

факс: 208-63-19

выйти из этой войны. Сначала говорили тихо, потом громче, потом еще громче...

А. Б. Неужели у вас есть еще надежда, что его удастся убедить?

Е. Г. Конечно, есть. Я считаю, что самое простое, что можно сделать, это опустить руки и сказать: дело безнадежное, что же мы будем стараться? Беда в другом. Если бы президент совсем не видел поддержки в обществе, он бы поступал, я вас уверяю, по-другому. Общество не очень выступает за войну, но ведь, с другой стороны, и не очень протестует. Колоссальное количество людей в России убеждено, что война — это неправильно, но она как бы их не касается. Собирай мы стотысячные митинги против войны, наши возможности давить на президента были бы иными.

А. Б. А раз так, то вам ничего не остается, как поддержать Ельцина на новых выборах? Или все-таки нет?

Е. Г. Я довольно долго считал, что Ельцин при всех своих недостатках самый естественный кандидат от демократов. Он символизировал стабильность и отсутст-

теоретически с этим вроде бы все согласны. Но как только доходит до дела, только и слышишь: "Мы бы объединились, да вот он, к сожалению, слишком популист". Или "левоцентрист". Или, наоборот, "правоцентрист". Скажите, вы бы поддержали, к примеру, Явлинского, если бы увидели, что у него больше шансов на выигрыв?

Е. Г. Не только Явлинского, но и любого человека, имеющего серьезные шансы на победу, с которым, может быть, мы не согласны по многим вопросам, но который не закроет завтра газеты, не посадит штурмбанфиюрера на телевидение, не отменит валютный рынок, не введет нам карточки. Мы сделаем все возможное, чтобы он прошел в президенты.

А. Б. Хотите, развлеку? Недавно один человек с пеной у рта мне доказывал: у Гайдара, мол, огромное самознание. Назвав свою книгу "Государство и эволюция", он поставил себя на одну доску с Лениным. Каково?

Е. Г. Безумно смешно.

ТРАНСАЭРО

АВИАЦИОННАЯ КОМПАНИЯ

С 26 МАРТА

1995 года

открывает новые линии из Москвы в:

Берлин, Франкфурт

А ТАКЖЕ ВЫПОЛНЯЕТ РЕГУЛЯРНЫЕ РЕЙСЫ

В Алма-Ату, Баку, Владивосток, Киев, Екатеринбург, Минск, Нижневартовск, Новосибирск, Норильск, Одессу, Ригу, Сочи, Ташкент, Тель-Авив, Эйлат, Лондон

ВСЕ РЕЙСЫ ИЗ АЭРОПОРТА ШЕРЕМЕТЬЕВО-1

НАДЕЖНОСТЬ-БЕЗОПАСНОСТЬ-КОМФОРТ-РАЗУМНЫЕ ЦЕНЫ

Билеты можно приобрести в Москве:

- ул. Охотный ряд, 2
- аэропорт Шереметьево-1
- центральный аэровокзал, касса 4, Ленинградский пр-т, 37
- турагентство "СКАЙТУР"
- доставка билетов на дом, Ленинградский пр-т, 33а
- тел.: 151-44-77, 945-53-20
- ф. 945-51-83

КРУГЛОСУТОЧНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ БРОНИРОВАНИЯ И ПРОДАЖИ БИЛЕТОВ

(095) 578-05-37 /38 /39 /80 /81